

Рисунок КУКУРЫНИКСЫ.

— Не бойтесь, мадам, он на цепи.

Воздерживаясь от вступления в «европейское оборонительное сообщество», английские правящие круги толкают в эту организацию Францию, обещая ей призрачные «гарантии безопасности» от возрождаемого в Западной Германии вермахта.

К Р О К О Д И Л

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

— Ой, кто окно открыл? Единственная пчела улетела... Вся работа сорвана!

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Пахом с карандашом

Кто бы посмел сказать, что Пахом —
Чернильная душа!
Прославил себя Пахом не пером —
Росчерком карандаша.
С просьбами, жалобами к нему
Люди идут в кабинет,
Всех принимает Пахом.
Никому
В просьбе отказа нет.

Входишь к Пахому.
Над ним, как нимб,
Электроламп венцы.
Красный и синий
лежат перед ним
Карандаши-близнецы.
Какой бы Пахом ни взял карандаш,
Внутрительным завитком
Надпись ложится
одна и та ж:
«Надо помочь. Пахом».
Но, странное дело,
с надписью той
Сунься в любой отдел —

С синей,
хоть год над сотрудником стой,
Не оторвать от дел.
С красной —
предложит любезно стул,
Словно включившись в кросс,
С места рванёт — и,
глянь,
провернул
Твой наболезший вопрос.
Так и вершит делами Пахом,
С виду добрей овцы,
Всем угодит он,
были б при нём
Карандаши-близнецы!

ДОРОГИЕ ШЕФЫ

Возле гостиницы в городе Рубцовске, Алтайского края, встретились два старика.

— Здорово, кум Егор! — воскликнул один, широко разводя руки для дружеских объятий.

— Здорово, кум Фаддей! — в тон ему ответил другой.

Деда в один голос воскликнули: «Сколько лет! Сколько зим!» — и повернули к чайной. За столиком выяснилось, что свела их в районном центре одна нужда. Один ехал из колхоза «Страна Советов», а другой — из сельхозартели имени Булганина, и оба за одним делом — повидать дорогих городских шефов.

— Над вами кто шефствует? — спросил кум Егор.

— Алтайский тракторный завод. А над вами?

— Строительно-монтажный трест № 46.

Кум Фаддей покачал головой и вздохнул. Кум Егор взглянул на кума Фаддея, вздохнул и покачал головой. И, не стовариваясь, они рассказали друг другу о своих отношениях с шефами.

— Как-то утречком, — начал кум Егор, — председателю нашего колхоза имени Булганина позвонили по телефону.

— Говорит заместитель директора Алтайского тракторного завода Зибарев, — раздался в трубке задушевный голос. — Здравствуйте, мы ваши шефы... Мы теперь с вами будем вроде как родные братья, смонтируем вам колхозную электростанцию. Уже генератор подобрали. Довольно жить при лучинушке!

— Мы не при лучинушке, а при керосиновых лампах, — поправил председатель колхоза, — но генератор — это, конечно, хорошо!

— А какой генератор! Если бы вы только видели!.. Мельница, крупорушка, соломорезка, жмыходробилка — всё будет работать от электричества.

Шефы не заставили себя долго ждать. С завода приехали специалисты. Генератор установили в помещении, откуда для этой цели выселили артельный маслозавод. Гости закончили монтажные работы, получили с колхоза причитающиеся деньги и отправились в сельский клуб на торжественное собрание, посвящённое пуску электростанции.

В переполненном клубе ярко вспыхнули электрические лампочки. Раздались бурные аплодисменты. На сцену поднялся руководитель шефов тов. Зибарев.

— Отныне вместо керосиновых ламп у вас будут сиять... — торжественно начал он, но закончить ему не удалось.

Зал погрузился в темноту. Когда разыскали и засветили спрятанные про запас керосиновые лампы, шефов уже и след простыл.

— Куда же они подевались? — хихикнул кум Фаддей.

— По домам разбежались. Чтоб не краснеть за свою работу.

— Ну, а вы что?

— Мы-то? Мы с той поры тринадцать раз ездили к шефам. И теперь вот опять приехали.

— Понятно! — хитро подмигнул кум Фаддей и, почувствовав, что пришла его очередь рассказывать, откашлялся и поглядел на друга поверх очков.

— Ну, вот что, кум, — сказал он нерадостно, — ничего нового я тебе не расскажу. Моя история точь-в-точь, как твоя. К нам, в колхоз «Страна Советов», вдруг пришла бумага. Строительно-монтажный трест № 46 сообщал, что взял над колхозом шефство, и спрашивал, в чём нужно помочь нам. Мы ответили, что собираемся пруд построить, уток, гусей, карпа зеркального разводить. Тогда шефы предложили направить к нам экскаватор.

— А во сколько эта техника обойдётся? — осторожно поинтересовались мы.

— Да что за счёты! Для вас почти даром. Мы тут прикинули смету: каких-нибудь шестьдесят тысяч с гаком — и прудик готов! Только для подшефных, ввиду особого расположения...

Вскоре, представьте себе, экскаватор прибыл в колхоз. Не доезжая до правления сельхозартели, он чихнул, как простуженный, и бездыханно замер. На могучую технику было жалко смотреть.

— Ох ты, мать моя! — охнули колхозники. — Что делать?

Поставили машину на ремонт. Экскаватор отремонтировали, но пустить его всё же не удалось. Оказалось, что шефы сняли с него все стальные тросы. Пришлось ехать в город к управляющему трестом тов. Ивкину.

— Вы недовольны? — удивился руководитель шефов. — Мы обязались направить вам экскаватор и честно выполнили это. Но мы никогда не обещали, что он будет полностью укомплектован, да ещё тросами!.. Это уже нескромно с вашей стороны. Сами где-нибудь доставайте тросы и заодно горючее...

Ну, достали мы тросы и горючее, тогда заартачились экскаваторщики:

— Начисляйте заработную плату, суточные, квартирные!

Начислили. Начали, наконец, работу. Но тут закапризничал инвалид-экскаватор. Работал он, как недужный старец, а чаще всего стоял на ремонте. В тресте же всему вели счёт! Начисляли плату и за работу и за простои. Как говорят, всякое лыко в строку. И насчитали за два месяца сто тридцать пять тысяч рублей.

— Ге-ге! — воскликнул кум Егор. — За что же это столько?

— За ремонт. Экскаватор-то был развалина.

— Понятно! — хитро подмигнул кум Егор. — Это, как говорится, «На тебе, небоже, что мне не гоже»!

Кум Фаддей вздохнул и похлопал по плечу кума Егора:

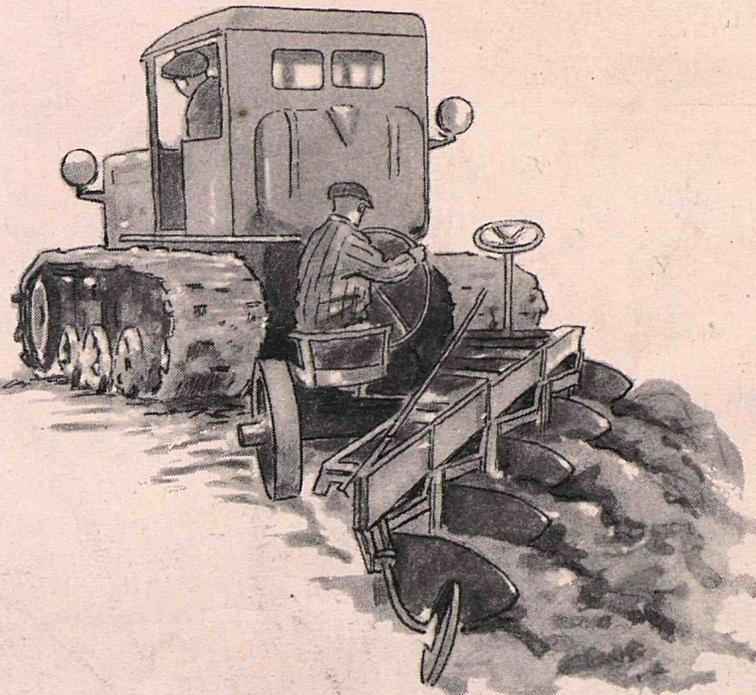
— Выходит, что и у нас и у вас по-настоящему дорогие шефы...

А. ШЕСТАКОВ

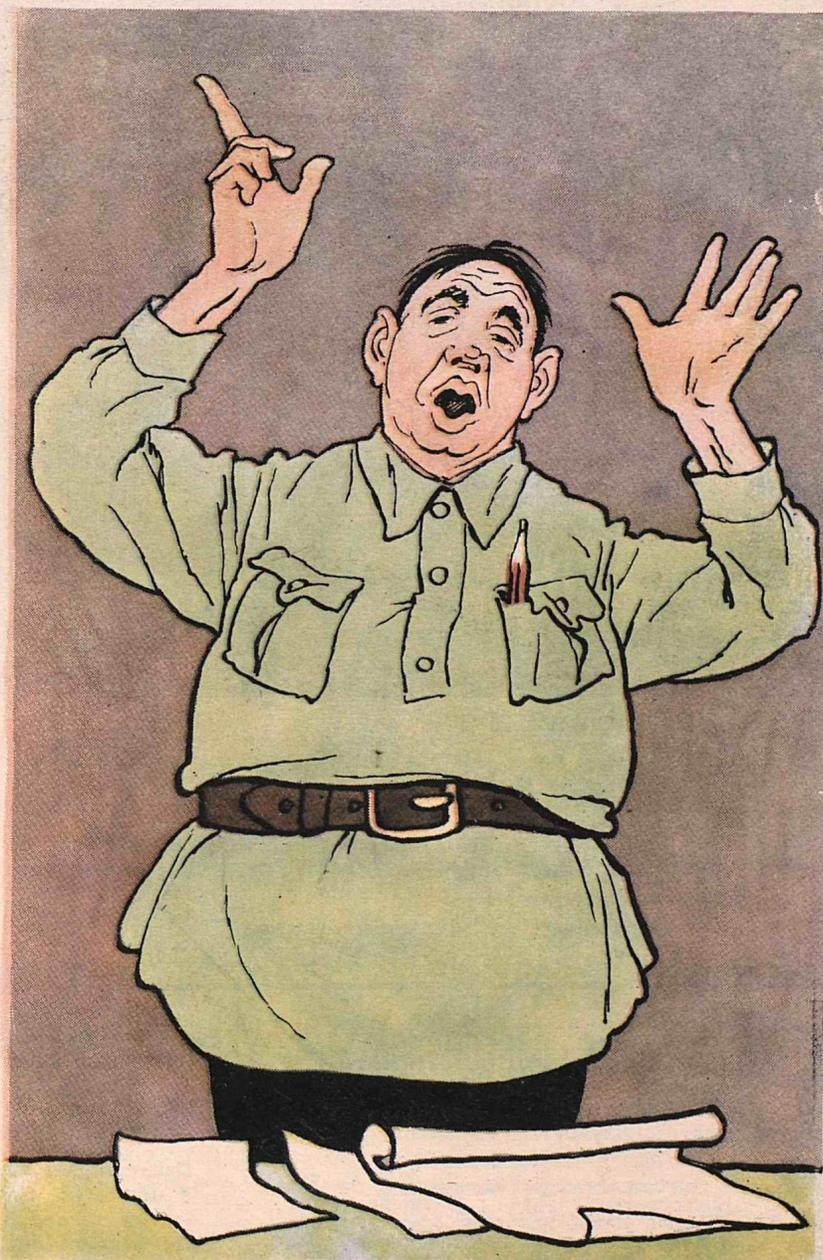
г. Рубцовск, Алтайского края.

Вместо организаторской работы на севе руководители отдельных районов занимаются заседательской суетней.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Люди уже пахут..

...а он всё ещё руками машет...

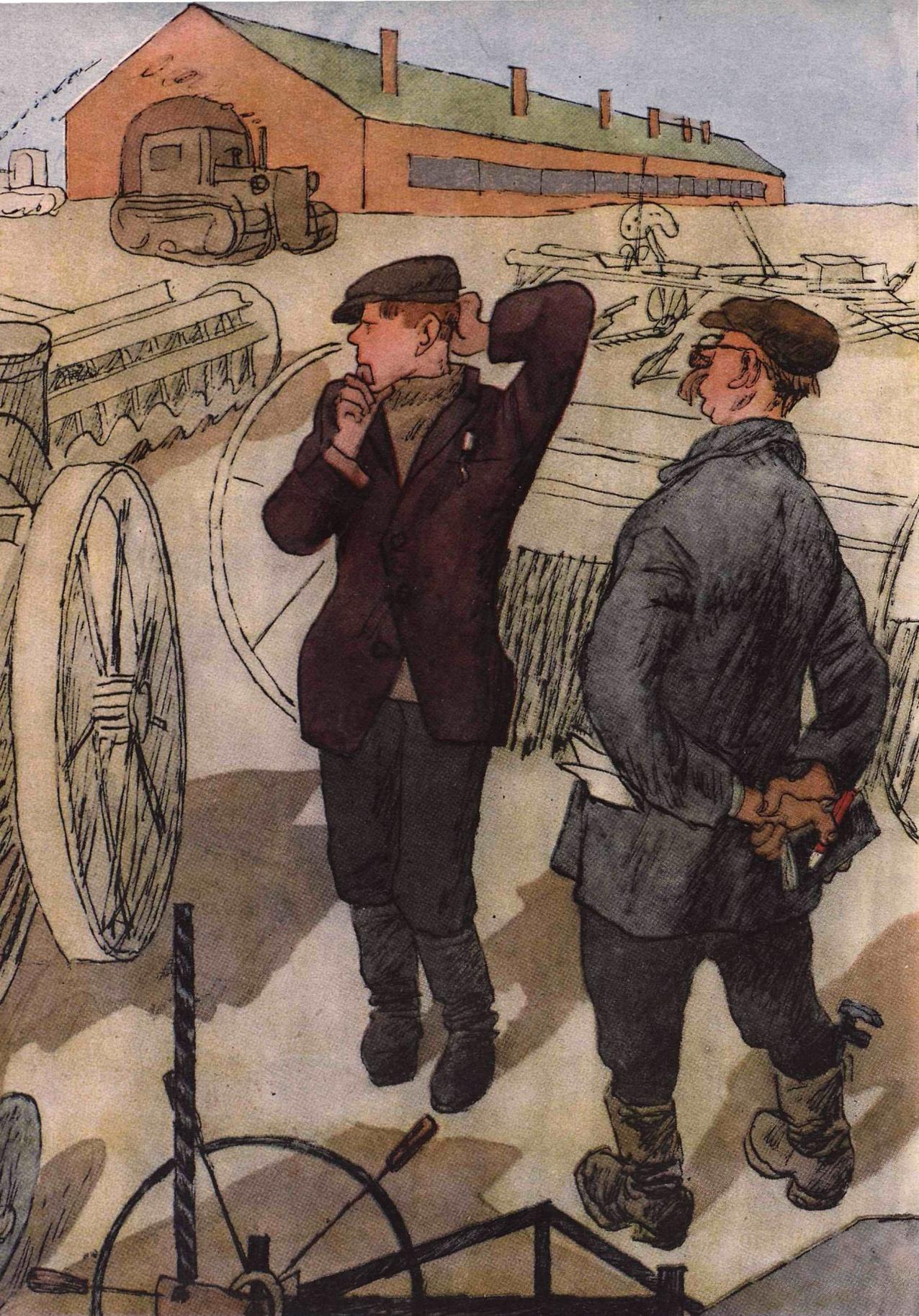

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

В Омской области из пяти училищ механизации сельского хозяйства ни одно по-настоящему не оборудовано необходимой техникой.

НОВИЧОК В МТС

- Ну, посмотрим, чему тебя в школе механизации научили! Садись на сенокосилку!
- А которая из них сенокосилка?

РАЗРЕШИТЕ ПОБЕСПОКОИТЬ

СПРОСИТЕ САМИ...

Редакция газеты «Колхозный путь» Кыштовского района, Новосибирской области, попросила председателя райисполкома тов. Салтыкова сообщить какие меры приняты по статье «Почему срывается кинофестиваль сельско-хозяйственных фильмов».

Тов. Салтыков ответил кратко: «Спросите у председателей колхозов...»

Г. БОЛЬШАКОВ,
редактор газеты
«Колхозный путь».

Ответ звучит весьма сурово,
В нём нотка барская слышна...
Вот на такого б Салтыкова
Да Салтыкова-Щедрина!

А. НИКОЛАЕВ

СЕРДЕЧНАЯ

По дошедшим до редакции сведениям, издательство «Мастерство» выпускает том избранной переписки известного драматурга А. Хмурова. Мы обратились в издательство с просьбой разрешить опубликовать некоторые наиболее интересные письма и получили любезное согласие. Ниже печатаются письма драматурга близкому другу П. М. Такину, видному писателю Б. С. Принципиному, главному режиссёру И. С. Зарезному и сержанту милиции Г. П. Стороженко.

Недостаток места не позволяет нам дать полный комментарий. Впрочем, из самих писем ясно виден энергичный, деловой облик драматурга и его своеобразное дарование.

П. М. ТАКИНУ

Без даты.

Здорово, Паша! Извини, что пишу, может быть, сумбурно. Вчера основательно тяпн... (неразборчиво). Да, ты прав. Эпистолярного наследия после меня останется не много. У моего предшественника А. Н. Островского были иные, я бы сказал, отсталые условия. Не мог же он из-за каждого пустяка тащиться из своего Щелькова в столицу! Вот и писал Бурдину письма. А зачем мне писать Б. С. Принципиному в Переделкино, когда я могу снять трубку, набрать номер и обругать его, как мне только хочется.

Я жив, не совсем здоров, хромаю. Много работаю. Вношу поправки в пьесу «Вблизи Камышина». Кстати, слухи о том, что она написана не мной, — вздорная сплетня жалких завистников. Она полностью моя. Стоит лишь посмотреть на афишу, чтобы убедиться в этом. Там ясно сказано: «А. Хмуров». Я о тебе скучаю. Приезжай. Есть хороший конья... (неразборчиво).

Б. С. ПРИНЦИПИНОМУ

20 января (год не установлен).

(Начало неразборчиво)...

Разговоры о том, что меня ежедневно видят то в «Арагви», то в «Баку», — непреходимая глупость. Я признаю только русскую кухню и особенно пельмени, а их, как вы отлично знаете, в «Арагви» не готовят. И ещё: если я и захожу иногда в рестораны, пивные, закусовые, ларьки и палатки, то исключительно для впечатлений. В моих новых произведениях значительный процент отрицательных типов. Где же мне прикажете их наблюдать?

Я категорически настаиваю прекратить подлую травлю моего доброго имени и прошу считать это письмо официальным заявлением. Я требую товарищеского суда над клеветниками. Я ещё посмотрю, КТО СТОИТ за спиной злопыхателей. Я докажу, на чьей стороне правда!

А. Хмуров.

И. С. ЗАРЕЗНОМУ

27 января.

Дорогой Иван Степанович! Чехов говорил: «Краткость — сестра таланта». А у нас («у нас» зачёркнуто) у меня получилось по 25 страниц в каждом акте. Это много. Но ничего. Я заставляю себя сократить. Насчёт успеха не сумлевайтесь. Я уже провёл индивидуальную работу с критиком К. Сезонным. Когда я показал список действующих лиц, он пришёл в восторг.

Здоровье моё, слава богу, лучше. От всей души благодарю вас за творческий совет: прикладывать к ушибленным местам металлические предметы. А я, дурак, делал свинцовые примочки...

Ваш Хмуров.

П. М. ТАКИНУ

Милый, бескорыстный мой друг. Ты напрасно за меня волнуешься. Не бойся, не утону. Друзей у меня много, найдётся кому спасательный круг все-время бросить. Недаром говорится: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!» А у меня всего хватает.

ПЕРЕПИСКА

Народ у нас в Союзе писателей деликатный, мягкий. Иного за его художества давно бы надо поостроже приструнить, а с ним, словно с драгоценным сосудом, нянчатся: «Творческая личность! Как бы не обидеть!» У нас даже новые термины появились. Вместо «плагиата» стали говорить «дарование в области заимствования», вместо того чтобы сказать «плохой язык», говорят: «у него некоторое отклонение от чистоты языка». А вместо одного слова «лодырь» употребляют три: «длительное творческое раздумье».

Я эту симпатичную ситуацию давно продумал и действую наверняка. Короче говоря, на мой век добраков хватит. Приезжай. Родственники хороших груздей прислали. Б. С. Принципиный обещал заглянуть...

И. С. ЗАРЕЖНОМУ

30 января.

Сердечный мой друг, Иван Степанович! Кричите «ура!» Исполнен труд, завещанный мне, грешному. Вчера добыл ещё одно сказание — и рукопись закончена моя. Не пьеса, а сплошной аромат эпохи. После завтра читаю вашей труппе. Приглашайте всех. А я приглашу тех, кто делает драматургическую «погоду». Привет супруге. Ваш Хмуров.

Р. С. На читку придёт мой лучший друг Н. В. Согласный. Это моя, так сказать, вторая душа. Моя совесть. Я верю ему больше, чем самому себе.

Г. П. СТОРОЖЕНКО

Без даты.

Уважаемый Григорий Петрович! Очень прошу зайти ко мне уточнить некоторые детали, пристрасно освещённые свидетелями. Во-первых, наш творческий спор с моим другом прозаиком начался не на лестнице, а ещё в моём кабинете. Обвинения в нарушении тишины неосновательны. Неизвестно, кто больше шумел, я или зрители. И не моя вина, что шофёр «Скорой помощи» с перепуга включил сирену. В общем заходите, есть о чём поговорить. Прилагаю пятьдесят рублей для вручения симпатичному молодому человеку, обеспечившему мне холодный душ. Я, к сожалению, не мог рассчитаться за обслуживание на месте.

А. Хмуров.

Р. С. Вещественное доказательство — ножку от моего рабочего кресла, отобранную на лестнице у моего оппонента, прошу сохранить. Это из очень ценного гарнитура красного дерева.

П. М. ТАКИНУ

В тот же день.

Извини за каракули. Пишу левой рукой. Вчера вечером, когда я возвращался с творческой встречи, какой-то нахал наступил мне на правую руку. Паша! Мне угрожают исключением из Союза. Говорил по телефону с Б. С. Принципиным. Его словно подменили: тон сухой, научился даже возражать. Он посмел мне сказать: «В Союзе не желают терпеть Ваших выходок». Я ему, понятно, выдал всё, что положено. Не желаете терпеть! Столько лет терпели, а теперь загордились?

А на душе всё же гадко. Приезжай. Дерболыз... (неразборчиво).

Г. П. СТОРОЖЕНКО

Милый Гриша! Ты один меня понимаешь, зайди. Не забудь про ножку!

Твой А. Х.

П. М. ТАКИНУ *

Пишу из больницы. У меня что-то неладно. Срочно достань для меня руководство по душевным болезням. В крайнем случае, принеси главу из романа «Золотой телёнок», ту, где рассказывается про бухгалтера Берлагу. Кажется, я доигрался.

Хмур.

* Последнее письмо написано карандашом. На обороте бланка «История болезни». В графе «Диагноз» значится: «Не установлен. Возможно: симуляция».

Письма подготовил к печати
Арк. ВАСИЛЬЕВ.

Рисунок И. СЕМЁНОВА по теме В. Борисенко (Кисловодск), присланной на конкурс Крокодила.

В тиши ночей...

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

«СОСЧИТАЙ-КА!»

Недавно в Цимлянский поселковый совет пришёл такой оригинальный документ: «Секретарю Исполн. комит. пос. (совета деп. труд.)

Воднотранспортный РК ЛКСМУ г. Одессы согласно Вашего письма высылает учётную карточку члена ВЛКСМ тов. Зубавленко Марат Иванович, №/б 9886142, который состоял в первичной организации Госуниверситета г. Одессы; просит принять меры за халатное отношение к обязанностям комсомольца.

Секретарь воднотранспортного
РК ЛКСМУ (Котлубай)».

Этот плод вдохновенного творчества напоминает новый вид увлекательной игры «Сосчитай-ка!». В самом деле, не шесть ошибок в этом документе! Любой школьник сразу нашёл бы три грамматические и три стилистические. В поселковом совете добавили бы: «Ошиблись адресом. Учётные карточки посылаются не в исполком, а в райком». Инженер М. И. Зубавленко присовокупил бы: «Ещё одна ошибка! С 1949 года я уже не комсомолец, а член партии».

Так к кому же следовало бы «принять меры за халатное отношение к обязанностям?»

ИСКРЕННЕЕ МНЕНИЕ

В выходной день я пошёл к своему приятелю Геннадию Васильевичу Продуваеву с намерением скоротать несколько часов за приятной беседой. По дороге, грешным делом, захватил бутылку коньячку: эта кровь земли и сгусток солнца отлично развязывает языки.

Я застал приятеля в любопытном положении: протиснув в растворенное окно свои довольно внушительные плечи, Геннадий Васильевич, казалось, в страстном порыве рвался наружу.

Я кашлянул — ноль внимания; дернул его за полосатые пижамные штаны, он в ответ лягнул воздух так, что шлёпанец с ноги отлетел к двери. Взглянув в окно, я понял всю тщету попыток привлечь его внимание. Когда Геннадий Васильевич становился футбольным болельщиком, для него, кроме зелёного поля с двумя воротами, пространства не существовало. Сейчас он был именно в таком невменяемом состоянии: на соседнем стадионе шёл футбольный матч. Вратарь в ожидании атаки принял позу, среднюю между положением двуногого и четвероногого, а Геннадий Васильевич горел. Он так высовывался из окна, что закон земного тяготения мог сыграть с ним злую шутку: под ним было три этажа.

Но вот разноцветные конфетти маек будто ветром сдуло с поля: перерыв. Я воспользовался моментом и снова дернул болельщика за пижаму. Он, кряхтя, вылез из окна. На лице его было такое недовольство, точно я отвлек его от глубоких философских размышлений. Я забыл сказать, что приятель мой был человеком учёным, кандидатом в кандидаты наук: он писал диссертацию. Я, признаюсь, всегда робел перед его учёностью.

Чело моего друга прояснилось, когда он узнал меня.

— А-а! Филипп Иванович, привет, старина! Вот кстати! Я было сам к тебе собирался...

— Это ты называешь «собирался»? — кивнул я в сторону стадиона.

— Э-э, ерунда! Скверные команды. Мячи, мешки на ходулях, вратарь — дыра!.. Слушай, требуется твоё мнение... Только, чур, прямое и нелицеприятное мнение! Можно рассчитывать?

— Что за вопрос! — ответил я. — Разве мы не друзья? Разве я забыл, что ты обидчив, как засидевшаяся невеста?!

Последние слова я, правда, вслух не произнёс, но так подумал.

— Я всегда в тебя верил! — воскликнул Геннадий Васильевич. Он схватил со стола какую-то бумагу и трагическим жестом протянул её мне: — На, прочти! Сегодня порадовали меня!..

Я прочел:

«Уважаемый тов. Продуваев!

Вашу статью «Фольклор и Гомер» напечатать в нашем журнале не можем. Статья слишком растянута, к тому же путаная, носит следы чрезмерной спешки в работе. Выводы, которые Вы делаете в конце статьи, недостаточно Вами обоснованы и не представляют научной ценности. Пишите нам ещё. С приветом!

Научный консультант журнала
Н. Пылаев».

От этих строк у меня мороз пробежал по спине. Так вот по какому случаю требуется моё мнение, да ещё нелицеприятное! Встать между редакцией и автором, когда его произведение отвергнуто! Это всё равно, что оказаться между молотом и наковальней!

— Ну-с, каков ответик?

Я сказал:

— М-да-а!

— Нет, ты обрати внимание на это схищенное «Пишите нам ещё!» — закипятился непризнанный мыслитель. — Давайте, мол, валийте, корзины у нас объёмистые. И ещё: «С приветом!» Ну не иезуит ли этот Пылаев!

Я неопределённо хмыкнул и потянулся к столу, чтобы положить бумажку, но хозяин отвёл мою руку:

— Выкладывай твоё мнение! Мне оно вот как важно: ведь статья — квинтэссенция моей кандидатской диссертации, а тут вдруг: «не представляет научной ценности», «носит следы спешки!» А как же не спешить?! Что же им, ухлопать несколько лет на какую-то кандидатскую диссертацию? А когда потом писать докторскую? У меня уж, слава богу, видишь, какие «проблески ума!» — Он похлопал себя по блестящему темени, где вместо волос оставался бледный пушок.

И тут я совершил оплошность. Мне бы сказать несколько ни к чему не обязывающих слов, вроде «бюрократы», «закимщики», а я, как школьник, не выучивший урока, пробормотал:

— Видишь ли, я не читал твоей статьи... Что поделал, не все родятся дипломами!!

В то же мгновение на свет появилась объёмистая рукопись. При виде её я, оптимист по природе, впал в тяжкое уныние: она была величиной с домовую книгу!

— Читай и возмущайся!.. А я второй тайм посмотрю...

— Может быть, мы оставим это до более удобного случая? — нерешительно предложил я. — Нельзя наскоро читать такие серьёзные вещи, надо вздуматься, просмаковать...

— А зачем наскоро?.. Помилуй! Сиди и смакуй весь день!..

Только я и мечтал об этом удовольствии! Пришлось слукавить:

— Знаешь, я всю ночь напролёт читал, до зелёных кругов в глазах. Интересная книга попалась.

— Что ещё за книга?

— Эта... э-э-э... «Три мушкетёра».

— Да?! Завидую, хотя сам два раза читал. Но это — развлечение, а теперь ты должен прочесть серьёзную вещь.

Тогда я пустил в ход последний козырь: освободил от обёртки принесённую с собой бутылку и фальшиво пропел:

— «Звёзды, мои звёздочки, пламенно горят!» Видишь, пять! Давай-ка сначала просветлим мозги, а потом и за науку возьмёмся, а?

Сначала он отвёл соблазн:

— Это не уйдёт!

Но солнечные лучи заиграли в бутылке, как в янтаре чистой воды. Глаза учёного заблестели, и его изобретательный мозг сразу нашёл компромиссное решение:

— Ладно, лень тебе читать, я изложу содержание статьи. А бутылку отнесу хозяйке, пусть она около этого «запевалы» создаст ансамблик, этаким антураж и декорум... Хе-хе-хе! Так, говоришь, пять звёздочек? Быстрее бы защитить диссертацию, можно будет пить марочные коньяки!..

...Ну-с, так вот! — воскликнул Геннадий Васильевич, вернувшись с кухни. — Эти бумажные крысы утверждают, что моя статья путаная. Остолопы! Им надо всё разжёвывать и класть в рот. Стоило им шевельнуть своими консервированными мозгами — и они увидели бы, что я избрал в статье метод сравнительного анализа. Я столкнул противоположные мнения, противопоставил доводам «за» доводы «против» и сделал выводы. Как по-твоему: научный метод?

— В общем, пожалуй, да, — согласился я, — а в частности... бес его знает...

— Дорской мой, я только прочту выдержки — и твои сомнения рассеются, как дым!.. Собираясь с мыслями, Геннадий Васильевич потёр лоб и вдруг довольно заунывно затынул:

«Пой, богиня, про гнев Ахиллеса,

Пелесва сына,

Гнев проклятый, страданий без счёта
принесший ахейцам...»

О! Слышишь? Музыка! Гомер! Но это я между прочим, чтобы ты веяние эпохи почувствовал... Так вот слушай, например, отрицательное мнение...

Я не без удовольствия прослушал отрицательное мнение.

— А вот, так сказать, утвердительное мнение...

Я с не меньшим удовольствием прослушал утвердительное мнение. И он начал глушить меня выдержками одна другой длиннее. Прочтёт и вопросительно вскинет на меня глаза. Волей-неволей я отвечал: «Угу! Ага! Так, так!». Когда все известные мне междометия были исчерпаны, я взмолился:

— Отпусти душу на покаяние! У меня сумбур в голове, какое-то месиво!

Учёный минуту внимательно смотрел на меня, а потом с редкой откровенностью признался:

— И у меня тоже...

Он озабоченно перелистал рукопись до конца и вдруг выругался:

— Чёрт возьми! Я, кажется, нарушил пропорцию!.. Да! Это надо исследовать... Сейчас же исследовать!

С этими словами он достал из-под груди бумаг ещё один экземпляр своей работы, схватил со стола ножницы и принялся безжалостно кромать рукопись. Через несколько минут многострадальный труд был изрезан на куски и разложен на какие-то кучки.

— Да, так оно и есть! — сокрушённо погладил подбородок учёный, оценив взглядом разбросанную статью. — Вот в этой кучке, так сказать, в рафинированном виде доводы «за», а в этой доводы «против». Их больше, они и перевесили. От этого выводы кажутся неубедительными...

Чтобы не оставаться безучастным, я взял из ближней кучки «довод» в полстраницы и пробежал его глазами. «Гладко написано!» Прочел другой. «Умно сказано»... «Острый язык!..» — думал я после третьего отрезка.

— Послушай, это здорово написано! — наконец сказал я. — Вот только не замечаешь ли ты разностильности? У тебя что ни отрывок, то другой стиль.

— Хо! Открыл Америку! — даже улыбнулся Геннадий Васильевич. — Конечно, у каждого свой стиль. Это же высказывания учёных разных времён!..

— Да?! Я почему-то так и предполагал... Значит, в этой кучке высказывания учёных «за», а в этой «против»? Так! А что же тогда вот в этих хвостиках? — Я указал на жалкую кучку обрезков, каждый не шире, чем в два пальца.

— Тут мои мысли, соединительные фразы, так сказать, цемент.

Я взял наугад несколько ленточек и прочёл:

«Ещё великий (имярек) сказал...», «По этому вопросу у (имярек) мы находим...», «Средневековые мыслители утверждали...»

— И это квинтэссенция твоей кандидатской диссертации? — спросил я, окидывая взглядом разбросанные по столу литературно-научные остатки.

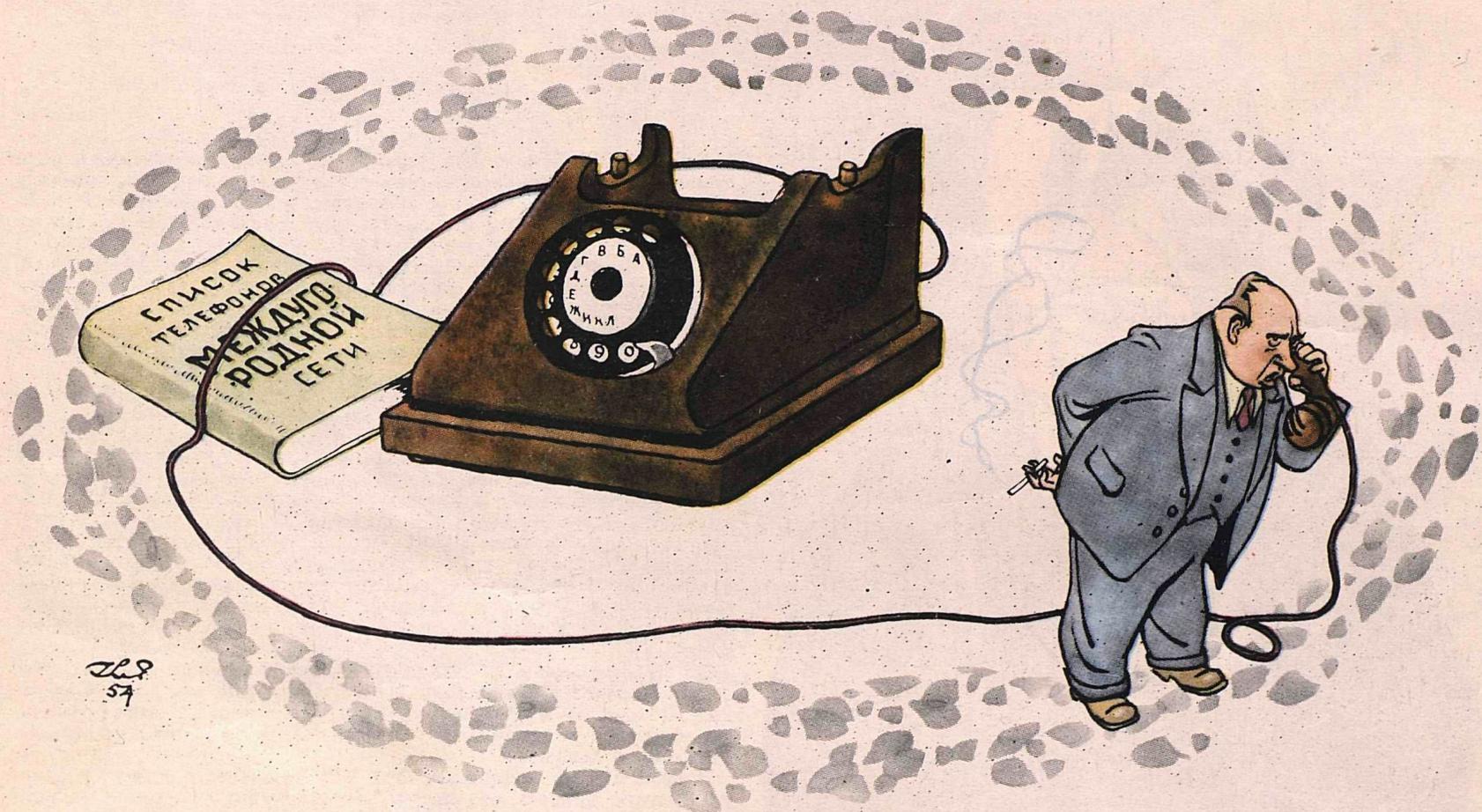
— Да, — уже менее уверенно ответил он.

— Сколько же ты потратил на свою диссертацию?

— Больше года...

Нет, я не сказал Геннадию Васильевичу, что он проделал никому не нужную работу: зачем обижать товарища! Я просто выложил ему, как он требовал, своё искреннее мнение:

— Лучше бы ты это время потратил на футбол!

...всё ходит по цепи кругом...

Молотилка с ЛОПИНОЙ

В юности она была величава, звонкоголоса. Запоёт, бывало, песню на колхозном току — душа не нарадуется. А как спорилась работа у весёлой певуньи!

Но жизнь прожить — не поле перейти. Годы состарили её, сгорбили. Стоит она за воротами МТС, опершись на ракитовый пенёк, ветхая да безмолвная.

Сошлись механизаторы, осмотрели калеку убогую и порешили собрать её останки и свезти на утильбазу.

На помин души усопшей молотилки механики заполнили грамоту по всем двадцати четырём статьям. Для прочности скрепили ту грамоту пятью подписями да двумя печатями. И отправили в Рязань, в областное управление сельского хозяйства. И попал тот пакет к самому Якову Львовичу Слуцкому, начальнику управления механизации и электрификации.

Не прошло и полсотни дней, как Яков Львович созвал своих подчинённых на заседание и поведал им о важной новости:

— Из Трубетчинской МТС к нам пакет пришёл. Просят списать у них с баланса молотилку, ветхую-преветхую. Как обсуждать будем: по пунктам или в целом?

— Хотелось бы в целом, — робко предложили подчинённые. — На дворе весна, а мы...

— Что мы?! — вспыхнул Яков Львович. — В бирюльки играем, хотите сказать? Баклуши бьём? Ишь, самокритики выискались! По пунктам обсуждать — и basta! На-ка, дорогуша, читай вслух!

Молодой, но с полысевшей макушкой инженер, которому начальник сунул бумаги, начал нараспев:

— «Технический выбраковочный акт... составлен... комиссией...»

Собравшиеся слушали монотонное чтение акта и... занимались кто чем мог. Инженер в полосатом костюме рисовал цыплёнка с ястребиными крыльями; тот, что сидел на диване, мастерил из папиросной бумаги кораблик с парусами; а дама в жакете, механик-технолог по специальности, маленьким напильничком подтачивала розовые ногти на левой руке. Сам Яков Львович сосредоточенно смотрел на потолок, где плясал и кувыркался солнечный зайчик.

Чтец овладел аудиторией, когда подошёл к разделу «Техническое состояние молотилки».

— «Рама имеет лопину...» — тянул он скрипучим голосом.
— Что, что имеет рама? — встрепенулись слушатели.
— Лопину, говорю. От слова «лопнутье», должно быть. Трещина то есть.

— А-а!..
В кабинете снова воцарилась тишина. А чтец продолжал скрипеть:

— «Колёса и оси имеют лопины... Дышло перебито надвое... Зубья изношены... Дерево сгнило... Шкив с отколотым бортом... Вал изогнут... Ремни и скребки пришли в негодность...»

— Списать! Списать! — наперебой заговорили все подчинённые.
А Яков Львович окинул начальственным оком сидящих и поднял руку, призывая всех умолкнуть:

— Не можем списать! Цвет акта нестандартный. И плотность бумаги не та!

Инженеры недоуменно переглянулись. А начальник выхватил у чтеца акт и потряс им в воздухе:

— Сегодня жёлтый прислали, завтра зелёный смастерят, а там, гляди, и малиновый подсунут! Папку входящих они хотят превратить в гирлянду!.. Нет уж, извините!..

Яков Львович нажал кнопку. Лёгкой походкой вошла карекокая секретарша.

— Пишите! — приказал он. — «Директору Трубетчинской МТС тов. Маршутину С. Ф. Областное управление сельского хозяйства при сём возвращает акты на выбраковку сельскохозяйственных машин как выполненные на нестандартной плотной бумаге. Начальник Управления механизации и электрификации Я. Слуцкий».

...Механизаторы Трубетчинской МТС получили уведомление Якова Львовича и развели руками:

— Что делать-то? Уж не на гербовой ли бумаге писать нужно?! Молотобоец Аким положил кувалду на наковальню, отёр пот со лба и заключил:

— За такие штучки Слуцкого по голове не погладят.

...Увы, молотобоец ошибся! Якова Львовича Слуцкого действительно погладили по голове — повысили в должности: ныне он работает главным инженером областного Управления.

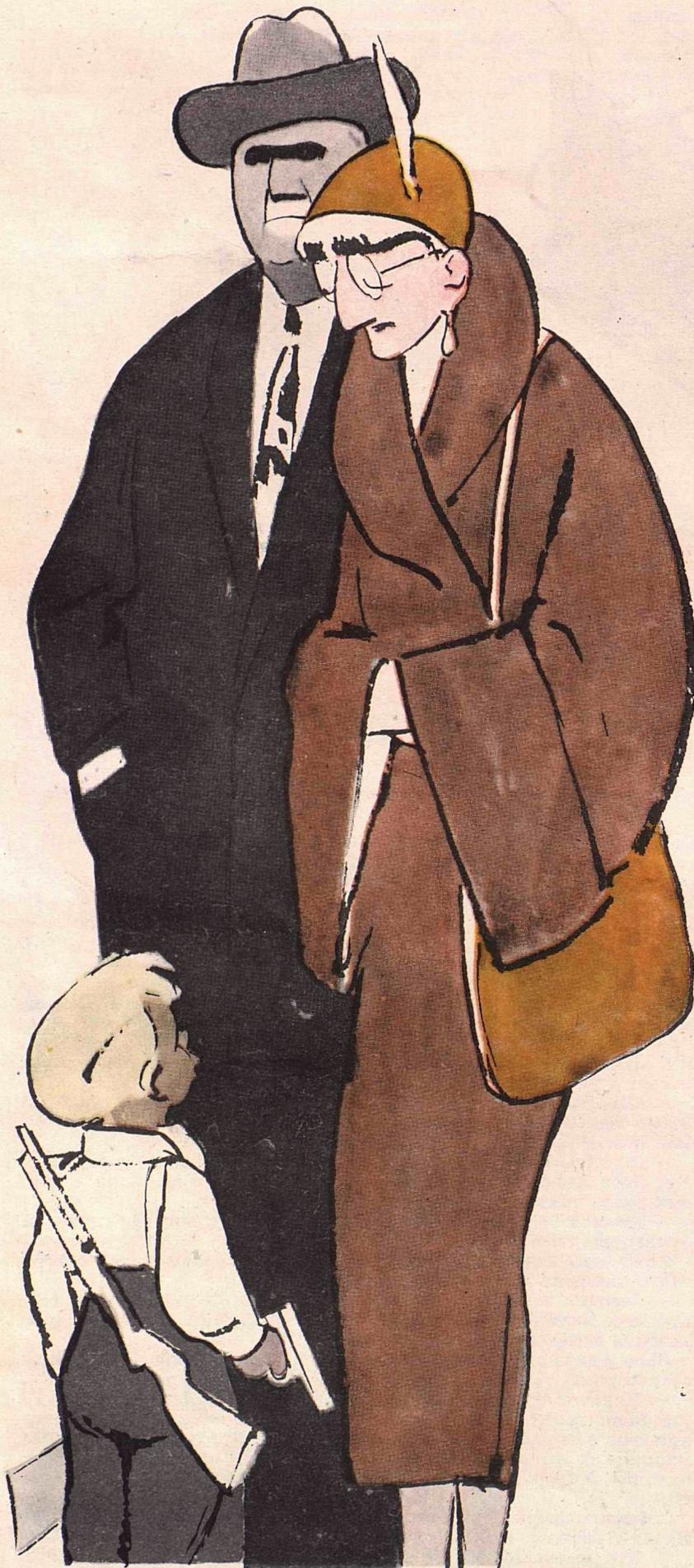
Н. ВОРОБЬЕВ

ДОИГРАЛИСЬ...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА
по теме Г. Савичева (Севастополь), присланной на конкурс Крокодила.

Шекспироеды

К 390-летию со дня рождения (1564) Вильяма Шекспира

— Мама, дай твой пальчик, я с него отпечаток сниму!..
— Что за глупая игра!
— Это не игра, а поручение ФБР.

Мисс Делия Бэкон окончила свою претенциозную жизнь в сумасшедшем доме. Американка свихнулась на том, что пыталась под пошрительное гиканье некоторых своих соотечественников изничтожить Вильяма Шекспира. Она доказывала, что великого англичанина вовсе не существовало.

Блаженная мисс была так пропитана этой навязчивой идеей, что даже вознамерилась собственноручно раскопать могилу Эвонского барда, покоящегося в древнем Стрэтфорде. Одержимая надеялась найти документы, изобличающие Шекспира-самозванца. Всё же до святотатства дело не дошло. Юродивую своевременно водворили в жёлтый дом.

Это было сто лет назад. Но тернистые лавры Делии Бэкон до сих пор не дают спокойно спать её преемникам.

«Прошлое — пролог к настоящему». Эти вещи слова Шекспира, видимо, по недомотру Маккарти, всё ещё сохранились на здании Архива в Вашингтоне. Для европейцев Америка родилась почти одновременно с рождением Шекспира. Но даже гений поэта не мог предвидеть, что в новорождённой стране, где люди говорят на языке, которым написаны его бессмертные творения, он, великий гуманист, будет впоследствии запрещён как «мастер непристойностей». Это в стране, где, как указывает американская писательница Маргарет Бэннинг, почти все регулярно выходящие журналы можно отнести к категории порнографических изданий!

По свидетельству американского писателя Джорджа Мариона, в США сейчас «легче продать наркотики, чем собрание сочинений Шекспира». Ученики и ученицы американских школ раньше приобщаются к кокаину и опиуму, чем к творениям чудесного художника слова.

В этой стране журналист Эрл Вильсон может сейчас во всеуслышание заявить, что он считает «Двенадцатую ночь» Шекспира «дрянцом, которое неспособно заработать денег поставщикам». Шекспировский шут не замедлил бы спросить наглеца: «Скажите мне правду: вы действительно сумасшедший или только прикидываетесь?» — и тут же нахлобучил бы на него свой дурацкий колпак.

В этой стране Шекспир меряется на аршин Центрального разведывательного управления. В досье американских сыщиков он, оказывается, числится лишь как международный шпион, платный доносчик, шифровальщик шпионского центра королевы Елизаветы. Об этом сенсационном открытии поведала миру американская печать.

В этой стране блестящая шекспировская комедия «Укрощение строптивой» перекоена в пошлый музыкальный фарс и идёт на Бродвее под «современным» названием «Поцелуй меня, Кэт!».

В этой стране существует некий чикагский профессор, который внушает студентам, что Шекспир не был англичанином. Почему же? «Профессор указывает (?!), что ни один англичанин никогда не написал ни одной хорошей пьесы...» — сообщает лондонская газета «Таймс».

Как видим, скорбная судьба мисс Делии Бэкон ничему не научила американских гробокопателей от литературы.

За что же пытаются очернить за океаном «Эвонского лебедя» — бессмертного Шекспира?

Отнюдь не исключено, что в вампире-ростовщике Шейлоке, который готов был ради денег вырезать у человека сердце, шейлоки Уолл-стрита узнают ныне себя. Очень даже может быть. Но не только в этом дело.

Эвонский бард называл свою окутанную седьми туманами родину «алмазом, оправленным в серебро морей». Он видел вокруг себя много зла, но он любил старую Англию, ее честный, трудолюбивый народ. Такого рода чувства, конечно, никак не могут разделяться дядей Самом с его завидующими глазами и загребущими руками. По откровенному заявлению американского журнала «Зис уик мэгэзин», янки не отказались от намерения превратить шекспиров драгоценный камень в свой нетонущий авианосец.

Однако соотечественникам великого поэта, как образно выразился английский карикатурист Давид Лоу, совсем не улыбается быть смазчиками, обслуживающими этот авианосец. Незаконно-рождённая военно-морская идея не вызывает у англичан никакого энтузиазма.

Эрл Вильсон может выкрикивать свои ругательства: собака лает — ветер носит. Можно запретить Шекспира в Америке, всё равно Шекспир будет жить в веках. Литературные крысы могут грызть наследие гения, — высокое искусство бессмертно. Клеймо «Made in USA» можно поставить на лбах некоторых английских политиков, но Великобритания останется родиной Шекспира.

Н. ЗЕМСКОВ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Боннский бундестаг принял дополнение к конституции, которое даёт Аденауэру возможность официально формировать вермахт.

Дополнительный пункт к боннской конституции.

БОНН — ВАШИНГТОН

СНОВА ВМЕСТЕ

В Бонне понимают правила хорошего тона. Здесь много страстных поклонников хорошего общества («европейского оборонительного сообщества»). Здесь ценят настоящий светский разговор (на антисоветские темы). Здесь увлекаются хорошими манерами (и военными манёврами). Здесь даже простых немцев стремятся освободить от унижительного для стопроцентных джентльменов физического труда. Около двух миллионов немецких рабочих уже не имеют работы. Здесь сотням тысяч немцев стремятся привить хороший вкус: их одевают в модное, изящное платье — военный мундир.

Естественно поэтому, что в столь благовоспитанном обществе всякий предосудительный поступок вызывает известное раздражение. Именно так и произошло недавно: боннские правительственные круги расценили как «грубую бестактность» назначение английским правительством генерала Джеральда Темплера на пост главнокомандующего английскими оккупационными войсками в Германии.

В чём же заключается эта «грубая бестактность»? Ведь сэр Джеральд Темплер, высокий худощавый джентльмен с усиками, — человек вполне уважаемый, из хорошей семьи. Быть может, в Бонне смущены его прежней деятельностью? Но ведь английский верхов-

ный комиссар в Малайе сэр Джеральд Темплер всегда вёл себя тоже вполне уважительно: обносил селения малайцев колючей проволокой, лишил население продовольствия, а пленённых партизан — головы.

Нет, дело явно не в этом. Оказывается, «грубая бестактность» состоит в том, что вскоре после окончания второй мировой войны Темплер, который тогда был губернатором английской оккупационной зоны в Германии, сместил Конрада Аденауэра с поста обер-бургомистра Кёльна «за неспособность».

Способен ли теперь Темплер по заслугам оценить реваншистские способности федерального канцлера? Вот в чём вопрос, беспокоящий Бонн.

МИНИСТЕРСТВО МИРА

Когда мистер Кларк, служащий одного из американских правительственных учреждений, дочитал статью Дрю Пирсона в «Дейли миррор», его лоб покрылся холодной испариной, а руки стали дрожать, как перед проверкой лояльности. И было от чего прийти в ужас! В статье говорилось, что член палаты представителей от Западной Виргинии Харли Стэггерс собирается внести законопроект о создании специального «министерства мира». В разговоре с президентом мистер Стэггерс заявил, что создание такого министерства будет «огромным вкладом в холодную войну

нервов с коммунистами». Он добавил, что ни одна большая страна не обходится без военного министерства, но нигде нет «министерства мира» и что «следует бороться с измышлениями русских о том, что США являются поджигателем войны».

— Читал? — чуть слышно прошептал Кларк своему приятелю мистеру Стабборну.

— Ничего не выйдет, — отрезал Стабборн. — Не наберут сотрудников.

— Почему же?

— Условный рефлекс.

— Условный реф... лекс? Это — что-то русское, кажется! Ты стал ужасно неосторожен. При чём тут рефлекс?

— Ты туп, мой друг. Ни один служащий не сможет подойти даже близко к зданию, на котором написано «мир». Страшно. Лучше повеситься, чем иметь с этим дело! А ты представляешь, как туда будут принимать? Посыпятся вопросы: «Не участвовали ли вы когда-нибудь в движении защитников мира?», «Мирный ли у вас характер?», «Не боролась ли ваша прабабушка за мир?». Уж будь уверен, проверят как следует!

— Да, ты, пожалуй, прав, — согласился Кларк. — Надо держаться от этого дела подальше. Я думаю, они вообще укомплектуют своё «министерство мира» военными из Пентагона. Воевать за мир — дело для них привычное. Вот, например, они и сейчас в Индо-Китае с помощью напалма...

— Тш! Кто-то идёт!..

Г. ЮРЬЕВ

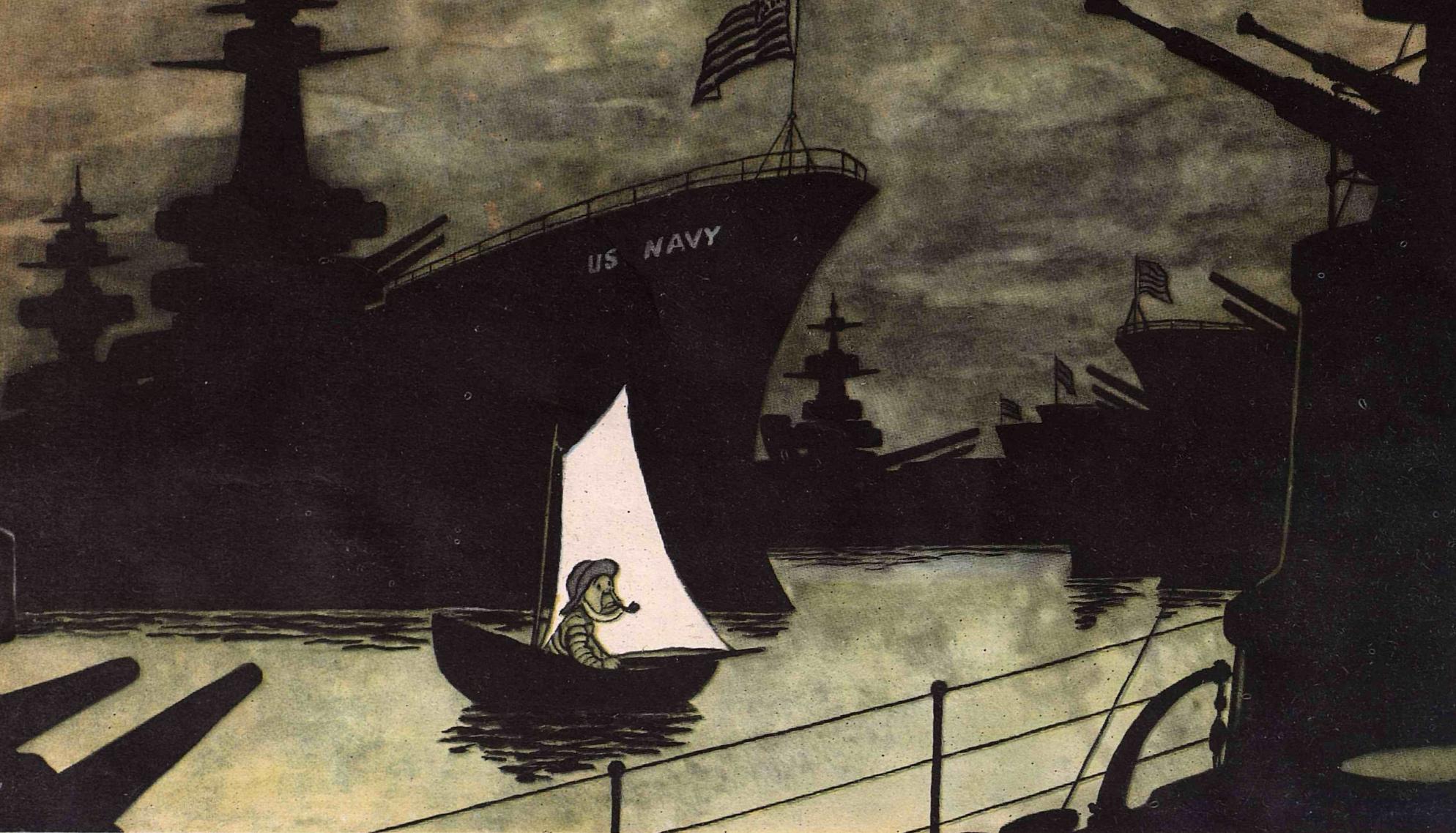

Рисунок Бориса ЛЕО.

В ОДНОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ПОРТУ
Белеет парус одинокий...

КЕССЕЛЬРИНГ НА ОТДЫХЕ

Красоты австрийской природы привлекают в нашу страну большое число туристов. Однако встречаются и такие туристы, которых привлекает в Австрию нечто иное.

Недавно в западных районах Австрии побывал один из них. Он не любовался альпийскими вершинами и дунайскими волнами. Это был гитлеровский фельдмаршал Кессельринг, военный преступник, человек, одна физиономия которого так же гармонирует с австрийским ландшафтом, как развалины — с цветущей долиной.

Фашистский фельдмаршал прибыл в Австрию «отдохнуть». Газета «Арбейтер цейтунг» приводила заявление Кессельринга, будто он «не стремится ни к чему иному, кроме отдыха». Однако уже на следующий день после его приезда выяснилось, что лучшим отдыхом главарь западногерманской реваншистской организации «Стальной шлем» считает встречи со старыми знакомыми и друзьями, или, как он изволил выразиться, с «товарищами по оружию».

Кессельринг отдохнул хорошо. Квартира (или, вернее, штаб-квартира), где он остановился, была своеобразным центром притяжения для людей, которые десять лет тому назад шеголяли в форме, так же хорошо известной и столь же ненавистой в Италии, во Франции, в Дании, в Норвегии, как и в Советском Союзе. Паломничество недобитых к своему шефу совершалось под высоким покровительством американских и английских оккупационных властей. Толпы паломников в галифе гитлеровского фасона, гремя коваными сапогами, бодро переключаясь и презрительно поглядывая на «чернь», прибывали к фельдмаршалу. Не тёплое мартовское солнце, не зелень лесов и лугов — коричневая посылка фашизма ознаменовала в эти дни

для жителей долины Энса наступление весны.

Австрийские государственные мужи, эти, по выражению газеты «Нейес Эстеррейх», «вежливые и цивилизованные австрийцы», объявили Кессельринга и его поведение нежелательными. Пустой звук, никого ни к чему не обязывающий; однако власти исполнили свой долг.

На полях сражений второй мировой войны Кессельринг не покрыв себя лаврами победителя. Этот досадный пробел в его биографии восполнен, хотя и с некоторым опозданием. Всего хватало во время визита битого фельдмаршала: и приветственных речей, и приёмов под бравурную походную музыку, и барабанного боя. С распростёртыми объятиями встретили Кессельринга премьер-министр провинции Штирия Крайнер, депутат австрийского парламента Горбах. В местечке Вертшах зелёные юнцы преподнесли коричневому военному преступнику тюльпаны. Шпионы дарили ему пионы.

Судя по выступлениям фельдмаршала, умиленного таким приёмом, он готов простить Австрии её существование. Он благосклонно соглашается включить нашу страну в свою военную картотеку с пометкой: «Гау-Австрия 1. Резерв кадров».

К счастью, кроме официальной Австрии, существует Австрия трудящихся, которая никогда не позволит включить себя в подобные картотеки.

Австрия трудящихся ответила на приезд Кессельринга волной гневных протестов. Даже правые газеты вынуждены были (правда, в чрезвычайно вежливой форме, с ужимками и реверансами) признать, как это сделала, например, та же «Нейес Эстеррейх», что Кессельринг «оказал плохую

услугу австрийскому гостеприимству». «Лучше сидел бы где-нибудь спокойно, вместо того чтобы вызывать беспокойство своими поездками и визитами», — бормотала «Арбейтер цейтунг».

Один из бывших подчинённых фельдмаршала, солдат-австриец, опубликовал в демократической газете свои воспоминания, которые немало омрачили приподнятое настроение «друзей по оружию». Он, в частности, рассказал о таком эпизоде.

1944 год. Италия. Штаб-квартира Кессельринга получает известие о приближении противника. У Кессельринга внезапно начинаются боли в области живота, и он, весьма легко одетый, удаляется под покровом ночи в одно уединённое местечко. Поступает сообщение, что ситуация осложняется. Кессельринг с ловкостью акробата выпрыгивает из окна этого уединённого местечка прямо в стоящую наготове машину. Всеобщее остолбенение. Машина на третьей скорости скрывается.

Солдат-австриец, тоже «провожающий» тогда фельдмаршала, не знает, получил ли он нацистский орден за проведение этой боевой операции. Но, во всяком случае, описанный эпизод внёс нечто новое в тот «культ героя», который ныне усердно пропагандируется австрийскими поклонниками Кессельринга.

На днях фельдмаршал покинул нашу страну. «И хватит говорить об этом!» — призывает реакционный листок «Дас клейне фольксблатт». А где гарантия, что Кессельринг не вернётся? Нет, австрийский народ будет «говорить об этом!» Он не хочет, чтобы Австрия стала резервуаром пушечного мяса для боннских реваншистов, «подсобным хозяйством» для организаторов нового похода на Восток. Он не хочет, чтобы Австрия вновь стала «Гау-Австрией».

Леопольд ФРЕЛИХ

¹ Гау — область. Отсюда — гаулейтер.

г. Вена.

Влиянию растений на производительность угольных шахт посвятил свой фельетон С. Филиппов в тульской газете «Шахтёрская правда».

Есть такое травянистое растение — росянка. На красноватых листьях росянки торчат волосики-ворсинки, длинные по краям и короткие посредине. На их утолщённых кончиках блестят малюсенькие прозрачные, как роса, капельки. Красивое на вид растение таит в себе много коварного.

Вот работорговцы-муравей, прельстившись блестящими капельками, взобрался на листок росянки. И вдруг муравей начал извиваться, пытаясь оторвать лапки от листика. Капельки держат его, как капкан. А крайние ворсинки, словно паутиной, уже обвили муравья, и лист начинает закрываться.

В природе насчитывается до девяноста разновидностей росянки. Но самая коварная и самая опасная разновидность — девяносто первая: росянка канцелярская.

В подтверждение этого С. Филиппов описывает грустную историю изобретения слесаря шахты № 65-бис треста «Товарковуголь» тов. Решетникова. Он сконструировал привод скребкового транспортера для лав, имеющих мулды. Это предложение решало сложную проблему: оно облегчало труд шахтера, повышало производительность труда и снижало расходы электроэнергии. Конструкция была испытана ровно год назад на шахте № 65-бис и получила высокую оценку. Предложение Решетникова попало в комбинат «Тулауголь». И тут росянка канцелярская схватила его остриями щупальцев скоросшивателя и утопила его в бесконечных папках, которые никогда не видят света.

Правда, автор фельетона настроен оптимистически: он уверен, что в Министерстве угольной промышленности узнают о росянке канцелярской, произрастающей в комбинате «Тулауголь», узнают, да и выдернут её с корнем.

Но сколько таких же росянок благополучно процветает в других местах и не встречает никакой управы! Бывает и так, что росянку с первого раза и трудно распознать. В качестве иллюстрации можно привести факт, описанный П. Веричевым и В. Азаровым в фельетоне, напечатанном в газете «Орловская правда».

Гражданин Д. занемог. Болела голова, поясница, пропал аппетит. Во всем теле появилась какая-то изнуряющая слабость. Ни врачи, ни их лекарства не приносили облегчения.

По совету жены гражданин Д. обратился к врачу Русановой. Она внимательно выслушала больного, прописала ему порошки.

— Если не помогут, — сказала Русанова, — приходите снова — дадим другое средство.

Порошки не помогли, и тогда Русанова назначила больному раствор новокаина.

Через несколько дней больной стал неузнаваем. Он порозовел, перестал жаловаться на головную боль, появился хороший аппетит.

И тут, на его беду, у него возникло вполне естественное желание поблагодарить врача, который так чутко к нему отнёсся.

— Напиши письмо в облздравотдел, — посоветовала жена, — напиши о том, что Русанова — хороший врач и как она тебя лечила...

— Верно, — согласился гражданин Д. И тут же сел за письмо.

Орловская росянка канцелярская, не в пример росянке тульской, не схватила благодарственного письма гражданина Д. щупальцами скоросшивателя и не утопила его в глубоких папках. Нет, росянка канцелярская, произрастающая в орловском облздравотделе, поступила иначе. Не прошло и недели, как гражданин Д. получил от заместителя заведующего облздравотделом Ирины Герасимовны Петраковой письмо:

«Применения раствора новокаина в неврологической практике врач Русанова не предлагала. Этот факт, изложенный в письме Д., является вымышленным».

Получил гражданин Д. это по меньшей мере странное письмо и направился к тов. Петраковой, чтоб разъяснить ей происшедшее недоразумение. И вот какой диалог у них там произошёл.

— Что у вас, — спросила Петракова, — опять какая-нибудь кляуза?

— Нет, я хотел... по поводу того письма, которое насчёт Русановой...

— Про то письмо говорить нечего: с ним вопрос решён, и ответ вам послан.

— Но я хотел...

— Мало ли чего вы хотели! Мне некогда слушать вас: меня тысяча бумаг ждёт.

Конечно, гражданин Д. мог бы обратиться по инстанции, но где гарантия, что и там благодаря коварным чарам росянки канцелярской ему не ответят:

«Зам. зав. облздравотдела И. Г. Петракова в своей повседневной практике никакого формализма не проявляла. Этот факт, изложенный в письме гражданина Д., является ложным».

Получит гражданин Д. такое письмо и ещё больше расстроится. Чего доброго, опять заболит голова, пропадёт аппетит и снова появится слабость...

Коварные приёмы росянки канцелярской видоизменяются в зависимости от климатических условий и влияния окружающей среды. Об этом рассказывает фельетон С. Макарова, опубликованный джалал-абадской газетой «Сталинский путь».

В Джалал-Абаде, например, как рассказывается в фельетоне С. Макарова, опубликованном в газете «Сталинский путь», росянка вот что натворила.

Мария Алексеевна Адамович решила взять на воспитание из дома младенца годовалую девочку Зейнаб Муратову и удочерить её.

Администрация дома быстро выдала необходимые документы, и 10 марта 1952 года Мария Алексеевна слала их в поселковый совет. Год она обивала пороги совета, так и не добившись толку. За это время в совете сменились и секретарь и председатель. Тогда она обратилась к новому председателю, тов. Школкину. Только через полтора месяца тов. Школкин направил заявление в Ленинский райисполком. Прошло ещё полгода. И наконец райисполком вынес своё «окончательное решение»:

«В удочерение девочки гражданке Адамович отказать, в следствие того, что нет... автобиографии ребенка и его письменного согласия иметь матерью гражданку Адамович».

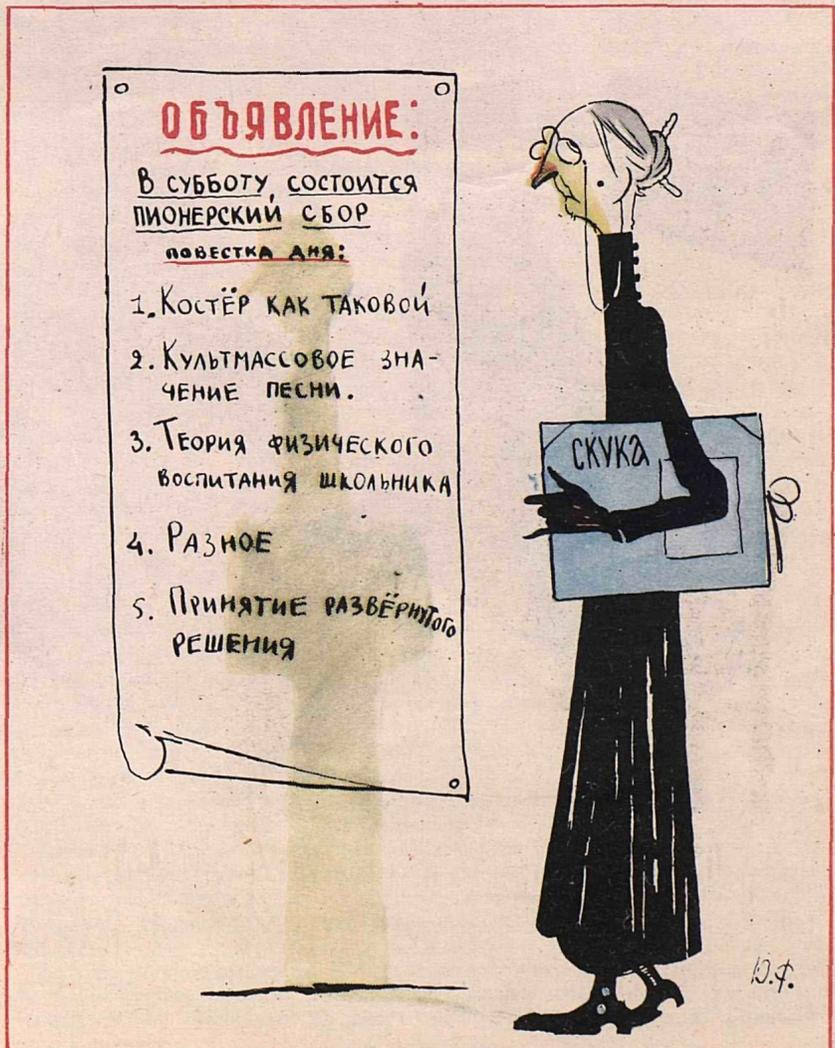
Мария Алексеевна ещё раз отправила все документы в райисполком и терпеливо разъяснила, что по меньшей мере легкомысленно требовать от малютки письменного согласия и биографии, которая вся изложена в трёхстрочной справке Андижанского дома грудного ребёнка.

В райисполкоме поняли, что они требуют невозможного, и смилились: удочерить разрешили, но в сутолоке позабыли удовлетворить просьбу заявительницы — присвоить ребёнку фамилию Адамович и назвать её Любой.

Мария Алексеевна снова обивает пороги районных учреждений. И её одолевает тревога: неужели и в самом деле придётся ждать до тех пор, пока девочка вырастет и в своей автобиографии красочно опишет, как в её раннем детстве процветала росянка канцелярская, которую никто долго не решался выкорчевать!

ПОСТОЯННАЯ ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Как кому, а мне нравится! Обязательно буду...

ЧЕРТЫ ИЗ «БЕОГРАФИИ»

Иван Петрович Слабий — человек сильного характера. Уж что-что, а внушить окружающим уважение к себе он умеет. Например, приезжает Иван Петрович из Янкульского колхоза, где он председательствует, в районный центр. Другой, нерадивый работник, пожалуй, поприветствовал бы знакомых, обнял друзей. Нет. Этак уважения не завоеешь. Иван Петрович идёт по улице с важно поднятой головой и никого вокруг не замечает. И только дойдя до кабинета первого секретаря райкома партии, он вновь обретает зрение. На других работников районных организаций он смотрит так, как если бы они были прозрачными. Что есть они, что их нет, для него всё равно.

Бывает, председателя Янкульского колхоза приглашают на совещание к директору МТС. У него на лице тут же изображается неподдельная обида:

— Это кого к директору? Это меня?.. Председателя?..

И в минуты откровенности он жалуется друзьям:

— Меня сегодня к директору МТС вызывали! А что, взял бы директор да ко мне приехал! Или он не знает, кто такой Иван Петрович Слабий? У Ивана Петровича земельный массив — около 20 тысяч гектаров. У Ивана Петровича — 460 лошадей, больше тысячи голов крупного рогатого скота, 22 тысячи овец, овоще-бахчевая плантация — за день не обойдёшь. Сад, виноградник, подсобные предприятия! Да чего только нет у Ивана Петровича! И большой пруд с рыбой, и на полях десятки машин...

Иван Петрович умел внушать уважение к своей персоне. В Курсавском райкоме партии об Иване Петровиче были наилучшего мнения:

— Авторитетный работник. Сильная рука.

Правда, колхозники другого мнения. И высказывали они его не раз своему председателю в глаза:

— Подучиться бы тебе надо, председатель. Хозяйство у нас большое, а знаний у тебя маловато. С агротехникой ты не в ладах. Достижениями науки не интересуешься. Опыта передовиков не изучаешь. Ты, председатель, не в обиду будь тебе сказано, не то что книжку, газету в руки месяцами не берёшь!

— Ещё что выдумали! Никуда я не поеду! Без меня здесь всё завалится!..

Однако члены сельхозартели настояли на своём, и Иван Петрович отправился в Ставропольскую краевую среднюю сельскохозяйственную школу пополнять свои знания на благо родного колхоза.

Прибыв в Ставрополь, он явился к секретарю парторганизации школы и поставил ребром принципиальный вопрос:

— Учиться бы, конечно, можно, но условия неподходящие.

— Что вас не устраивает?

— Стипендия мала.

— Ну, это как сказать, — смутился секретарь, не привыкший к таким разговорам. — Во время учёбы колхоз ежемесячно начисляет каждому слушателю по 30 трудовых, даёт деньги. Это сверх стипендии, которую выплачивает школа...

— Кого-нибудь это, может быть, и устраивает, — поморщился курсант, — но я — Иван Петрович Слабий. Одним словом: обеспечьте 1 600 рублей, иначе уеду обратно...

И он уехал из Ставрополя, так и не взяв ни разу в руки книжку.

Дома Иван Петрович почувствовал себя в своей тарелке. Экстренно созвал членов артели и учинил привычный разнос:

— Ну, что я говорил?! Нельзя мне учиться. Краевые организации решили отозвать меня с учёбы...

А тем временем в райкоме партии неумолчно гудел телефон. Звонили из школы, из краевого управления сельского хозяйства, из крайисполкома, из райкома партии: разыскивали сбежавшего курсанта.

Но секретарь райкома партии тов. Борхович не разделял волнений краевых организаций. Секретарь был даже рад, что всё так обернулось. Куда спокойнее, когда в колхозе сидит председатель, к которому он, тов. Борхович, привык и которого Иван Петрович убедил.

— Мне учиться ни к чему! Я и так всего достиг!..

Чего достиг Иван Петрович Слабий и чему он выучен, можно узнать из его собственноручно написанной автобиографии, хранящейся в Курсавском райкоме:

«Я, Слабий Иван Петрович, в 1930 году был послан на курсы массовиков. После окончания курсов стал работать массовиком в колхозе и зав. избой-читальней. В 1932 году переводят меня на работу заведующим Домом соцкультуры в Курсавский район. После переводят председателем Янкульского сел исполкома. В данное время работаю пред колхоза. Вот моя краткая биография. Иван Слабий».

В своей «биографии» Иван Петрович, по понятным соображениям, вовсе опустил то обстоятельство, что он понятия не имеет о новом способе квадратно-гнездового посева, о зелёном конвейере...

Конечно, подавляющее большинство председателей колхозов этого края не так вы, но, к сожалению, и Слабий не одинок. А районные руководители опекают неучей. И в результате Ставропольские годичные курсы переподготовки председателей колхозов укомплектованы немногим больше чем наполовину, да и то за счёт парикмахеров, инструкторов физкультуры и подобных им «специалистов сельского хозяйства». Но это уже черты из биографии районных работников Ставрополя...

А. КАРАМЫШЕВ

г. Ставрополь.

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

Бумагообмен.

К ВОПРОСУ О САТИРЕ

С некоторых пор слово «сатира» стало предметом обсуждения в маленьком городке Белинский, что под Пензой.

Выявились разные точки зрения на это слово.

Одни товарищи считают, что сатира должна быть включена в повестку городского дня.

Другие товарищи находят, что город Белинский может вполне обойтись без сатиры, постольку, поскольку прямых указаний на этот счёт ни из Пензы, ни из Москвы не поступало.

Третьи лица полагают, что сатира в Белинском не может процветать по той причине, что в городе нет ни Гоголя, ни Щедрина. А какая же может быть сатира без сатирических гениев? Надо ждать, когда эти гении народятся на здешней земле.

И, наконец, есть лица, которые попытались старт на стезю сатиры, но с первых же шагов на этом пути полетели в тартарары и своими боками познали, что это такое — сатира.

Первым пострадал на сатирическом поприще товарищ Утёнков.

Однажды товарищ Утёнков был вызван в райком партии к товарищу Щепочкину.

Товарищ Щепочкин сказал товарищу Утёнкову:

— Вы, кажется, работаете ответственным секретарём районной газеты «Путь к коммунизму»?

Товарищ Утёнков ответил на этот вопрос утвердительно. Добавил, что высокий пост в газете занял недавно и только учится писать. Товарищ Щепочкин перебил:

— Это не имеет значения. Чаша нашего терпения переполнилась. Почему газета не пишет о безобразной работе Белинского сельпо? Как вы не замечаете разгильдяйства председателя сельпо Саурова? Где ваши перья?

Товарищ Щепочкин поведал журналисту Утёнкову о чрезвычайном обстоятельстве в райкоме партии. Райком, видите ли, созвал со всего района внештатных пропагандистов. В перерывах между заседаниями райкомовские гости хотят покушать, а в буфете пусто. Подвёл райком товарищ Сауров. Задолго спущена ему директива насчёт обслуживания делегатов, а он всё-таки сорвал очередное мероприятие. Кооператор в таких выражениях мотивировал неизбежность прорыва в торговой сети:

— Не могу же я разорваться на все стороны! Нынче торгуй, завтра торгуй; здесь торгуй, там торгуй; надоело уж и торговать-то!

Заведующий отделом пропаганды и агитации ввёл молодого журналиста в курс приключившегося события. Потребовал:

— Надо выжечь огнём сатиры старое зло в нашем сельпо. Пишите фельетон!

Вдохновлённый этим призывом, товарищ Утёнков всю ночь просидел за письменным столом. Утром трепещущий автор предъявил отделу пропаганды и агитации свою рукопись. Рукопись была прочитана работниками райкома Щепочкиным, Игониной, Евсеевым, Шуваевой. Они сделали свои авторитетные замечания относительно содержания и формы фельетона.

— Острое слово!

— Давно бы так!

— Ну, теперь Сауров зашевелится...

Сам товарищ Щепочкин одобрил стиль фельетона:

— Вы, Утёнков, вполне можете писать!

И добавил весёлым и даже игривым голосом:

— До Щедрина вам, конечно, ещё далеко, но к Ильф-Петрову вы уже приближаетесь.

Итак, заведующий отделом пропаганды и агитации стал крёстным отцом молодого сатирика в Белинском районе. В газете появился маленький фельетон под заголовком «Надоело торговать...». Читатели, соприкасающиеся с торговыми точками в городе, были очень довольны фельетоном. Кооператор Сауров ждал немедленного вызова в районный комитет партии. Думалось ему: вызовут, запишут строгий выговор, а может быть, даже и снимут с должности его, кооператора Саурова, которому смертельно наскучило возиться с торговыми точками...

Но вместо героя фельетона был вызван в райком автор.

Заседало бюро под руководством первого секретаря товарища Седова.

— Кто автор статьи о Саурове? — спросил председательствующий. — Подписано: «В. Петров». Я такого писателя не знаю.

— Это писал я, — ответил Утёнков.

Молодой фельетонист пожалел, что скрылся под псевдонимом. Вот сейчас бюро воздаст хвалу автору, скажет: зачем тебе прятаться, подписывайся своей фамилией... Что сказать в ответ? Ага, вспомнил! Ведь Гоголь свои первые вещи тоже подписывал псевдонимом. Традиция!..

— Где был редактор? — спросил Седов, бросив взгляд в угол, куда забился ответственный руководитель районной газеты.

— Редактор был в Пензе. Его вызывали на совещание.

— Всё ясно. — В голосе товарища Седова зазвенел металл. — В газете допущена грубейшая ошибка. Тут налицо перехлестывание. Читаю: «А что, — подумали мы, — вдруг примеру своего начальника последуют рабочие пекарни? Вот где будет переполох-то. Соберутся все пекари в кружок, сдёрнут с себя белые колпаки и воскликнут: «Стой, братцы! Хватит выпекать хлеба. Надоело!» Вот что пишет чёрным по белому этот самый Петров, он же Утёнков! Куда нацеливает? На что ориентирует?

— Это же законный приём иронии, литературный приём, — заметил кто-то. — Авторская гипербола. Заострение материала...

— Недопустимая гипербола! — отпаривал первый секретарь. — Мы с такой гиперболой можем дойти бог знает до чего. Я лично вижу в этих словах прямой призыв к... забастовке. Редактор вернулся из Пензы, поручил ему исправить ошибку. Пусть газета опубликует что-нибудь положительное, возвышенное о нашем сельпо, надо дух пайщиков поднять... А тебе, Утёнков, придётся выговор записать. В газете ты работник молодой, а прыть не по годам проявляешь, рано в сатиру пошёл. Ну, ничего, теперь осознаешь свою ошибку. Кто за то, чтобы объявить на первый раз выговор Утёнкову?.. Предложение принимается. Переходим к следующему вопросу...

Заведующий отделом пропаганды и агитации, накануне благословивший начинающего журналиста пойти по пути Гоголя и Щедрина, делал вид, что он не замечает обращённого к нему недоуменного взгляда этого журналиста.

Редактор газеты товарищ Карязов несколько воспрянул духом и из своего угла подался грудью ближе к столу председательствующего, услышав, что именно ему, Карязову, а не кому другому, поручено отшлифовать решение об ошибке в газете и о выговоре её фельетонисту. На писании решений и резолюций редактор уже набил руку. Эти жанры больше удаются, чем другие. А такой жанр, как фельетон, просто пугает редактора. Опасный жанр! Фельетон — оружие обоюдоострое. Метили этим оружием в Саурова, а поражен Утёнков. Нет, не нужны нам Гоголи и Щедрины, Ильфы-Петровы и Утёнковы. Хорошо ещё, что он, Карязов, оказался в сетях, когда затевался и печатался этот злополучный фельетон! Он, Карязов, уж, конечно, не допустил бы политической промашки; недаром сам товарищ Седов сегодня поддержал авторитет редактора, поручив ему писать резолюцию по сложному и тонкому вопросу...

С молниеносной быстротой промелькнули события того волнующего дня, когда в газете был напечатан фельетон. Не все успели уследить за ходом и исходом этих событий. Например, руководители райпотребсоюза разошлись в оценке критического материала в газете с руководителями райкома партии. В райпотребсоюзе нашли содержание фельетона абсолютной правильным, форма тоже не вызвала сомнений. Из райпотребсоюза позвонили редактору:

— Ваша критика совершенно справедлива. Принимаем меры. Просим опубликовать наш отклик на фельетон.

Редактор отделявал текст решения бюро. Он сказал в трубку:

— Отклик не нужен. Вы пришлите что-нибудь другое. Баланс. Отчёт сельпо. Что-нибудь такое, из чего мы можем написать положительное о сельпо. Надо поднять дух пайщиков, помочь товарищу Саурову... Да, да, помочь...

Вот так на данном этапе обстоит дело с сатирой в маленьком городке под Пензой. Назван этот городок именем Белинского, Виссариона Григорьевича. Великого русского критика, друга Гоголя. Большого друга сатиры.

Название почётное. И обязывающее!

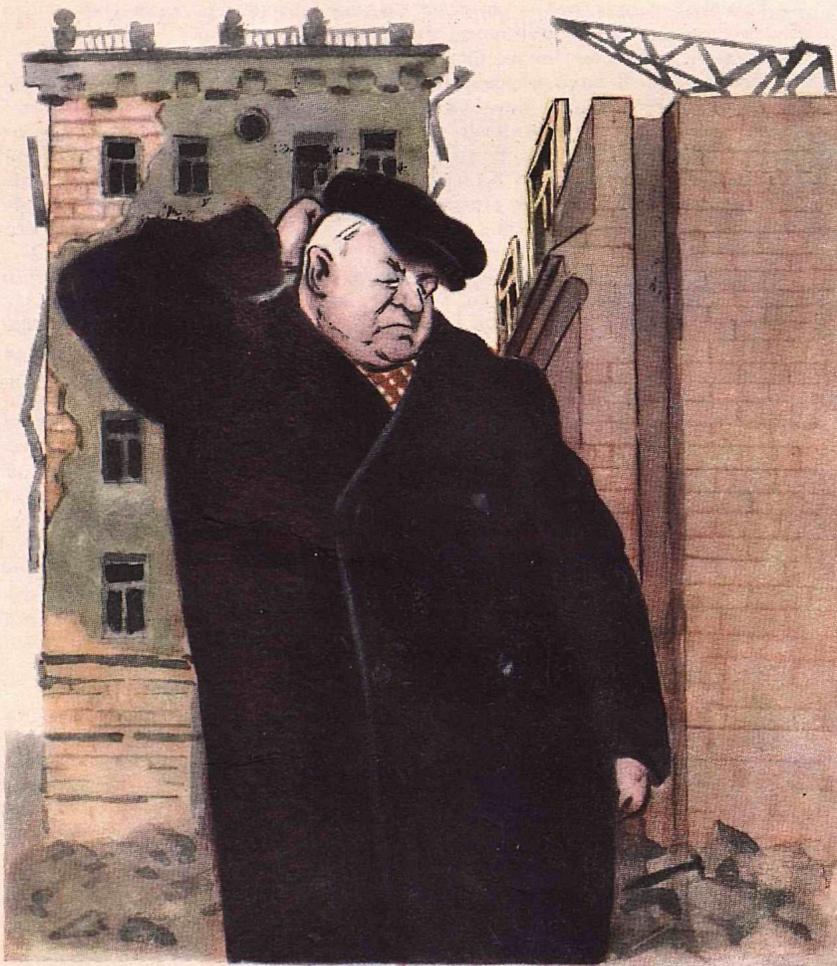
И. РЯБОВ

Рисунок В. МАГДЕБУРОВА (ст. Магдагачи, Амурской области), присланный на конкурс Крокодила.

Без слов ясно.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— Не знаю, что делать? Начинать третью секцию, заканчивать вторую или ремонтировать первую?

Крокодил помог

◆ Директор Кур-Урмийского дома культуры (Хабаровский край) А. Акинфиев работал по совместительству заведующим райотделом кинофикации, учителем в одной школе и заведующим учебной частью в другой.

Об этом говорилось в заметке «Универсал» (Крокодил № 24 за 1953 год).

В настоящее время Акинфиев от обязанности директора дома культуры освобождён.

◆ В фельетоне «Семнадцать путешествий» (Крокодил № 5) рассказывалось о бесконечных переездах

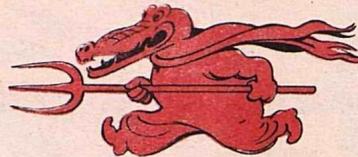
Дербентского Дома пионеров из-за отсутствия постоянного помещения.

Как сообщают из Совета Министров Дагестанской АССР, Дому пионеров отведено соответствующее помещение и выделены средства.

◆ Крокодилу стало известно о плохой работе хлебопекарни села Мильнова (Камчатская область).

На наш запрос секретарь Камчатского обкома КПСС тов. В. Алексеев ответил, что в пекарне в настоящее время наведён порядок, качество выпекаемого хлеба улучшилось.

Заведующий пекарней с работы снят.

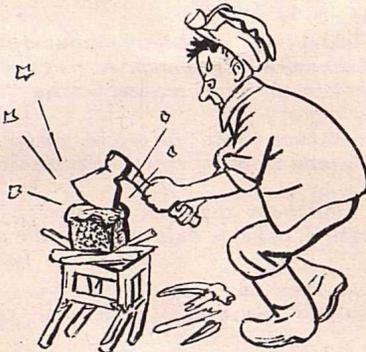
ВИЛЫ В БОК

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Хоть и говорится «Не единым хлебом жив человек», но шахтёры, живущие в посёлке Пятихатского рудоуправления «Главогнеупор» (Днепропетровской области), как сообщает председатель рудничного комитета тов. А. Сиборов, вот уж сколько времени вполне законно требуют одного:

— Дайте нам обыкновенный свежий хлеб!

А местная пекарня продолжает выпекать чёрствый «огнеупор», который называется хлебом только по недоразумению.

Не единым хлебом живы и деятели республиканского и областного треста «Укрглавхлеб», хоть им по должности положено заниматься именно хлебом. С завидным усердием они снабжают шахтёров копиями свежеспечённых бумажек, где один перекладывает на другого ответственность за качество хлеба.

Этими бумажками шахтёры сыты по горло. А хлеб ничуть не становится свежее.

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Нет, как ни говори, а терпение и выдержка — вещи необходимые в любом деле. Особенно если дело приходится иметь с Красноярским управлением Главлесосбыта. А вот товарищи из треста «Куйбышевнефтегеофизика» никак этого понять не могут и без конца напоминают Красноярскому управле-

нию: «Вы должны поставить нам три вагона круглого леса. Так отгружайте скорее!». Но заместитель начальника управления Главлесосбыта тов. Новосёлов — человек спокойный. Шлёт он письменный ответ: зачем, дескать, такая спешка? Лес отгрузим через месяц.

Едва проходит этот месяц, как трест снова проявляет нетерпение и требует леса. Тов. Новосёлов, конечно, обижается на такую несолидную постановку вопроса и молчит. Трест посылает второй запрос, третий, четвёртый, пятый... Наконец получает ответ: «Ввиду не обеспеченности железнодорожной нас платформенным порожнем отгрузки произвести не имели возможности». Кажется, ясно, а трест снова требует отгрузки. И так вот уже четыре месяца!

Нет, не могут понять товарищи из «Куйбышевнефтегеофизики» простой истины: терпение прежде всего. Давно им пора уразуметь, что Красноярское управление входит в систему лесной и бумажной промышленности. Вот тов. Новосёлов и занимается сначала делами бумажными, а потом, может быть, займётся и лесом... Всякому овощу, как говорится, своё время.

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ

Не каждый заведующий отделением больницы умело исполняет свои обязанности. Поэтому Ленинградский горздравотдел напечатал для заведующих «Временную инструкцию». Тираж её — 2 тысячи экземпляров. Она поучает:

«Заведующий несёт полную ответственность за политико-моральное состояние как среди больных, так и среди сотрудников... Уста-

навливает строгий порядок расстановки мебели... Сносится по телефону с дежурным врачом... Прививает ординаторам организационные навыки...», и т. д., и т. п.

А кроме того по инструкции заведующий:

«Разрабатывает вместе с зав. поликлиническим отделением ежемесячно смертность на дому».

Пугаться не нужно. «Разработка смертности» не преступное деяние, а лишь столь же малограмотно построенная фраза, как построено почти весь текст инструкции.

Надо надеяться, что инструкция не только «временная», но даже кратковременная. Не пора ли «разработать её смертность»?

Дорогой Крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Когда мне вручили под расписку судебную повестку с приглашением явиться на следующий день к такому-то часу по уголовному делу, это меня, сам понимаешь, не порадовало. Тем более, что на обороте бланка ясно сказано: в случае неявки подсудимый подлежит приводу через милицию, а свидетели, эксперты и переводчики привлекаются, кроме того, к уголовной ответственности.

— Что день грядущий мне готовит? — строил я всякие предположения. Да где там было догадаться! Ведь оказалось, что я понадобился суду не как обвиняемый и не как свидетель, эксперт или переводчик, а как... кредитор. Народному судье тов. Герасименко, видишь ли, не понравилось, что подчинённая мне сотрудница конторы связи осмелилась предупредить его о выключении телефона за невзнос абонентной платы. Вот он и вызвал меня уголовной повесткой пред свои грозные очи для соответствующего внушения.

Поначалу я сердился, но потом успокоился и решил, что ещё сравнительно дешево отделался. Если уж на то пошло, тов. Герасименко мог и не повестку, а сразу приговор на меня написать. Бланков у него, видимо, неограниченное количество...

Начальник районной конторы связи
Г. МАХОТКИН

Рени,
Одесской области.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Работники попаснянского Дворца культуры в феврале 1954 года заказали типографии Трансжелдориздата несколько афиш со списком мероприятий на... январь 1954 года.

На вопрос директора типографии, к чему заказывать афиши о том, что уже давным-давно прошло, «заказчик» ответил:

— Ничего, ничего, печатайте! Директору Дворца культуры тов. Грановскому афиши нужны для отчёта перед вышестоящими организациями.

Типография этот необычный заказ выполнила, но 240 экземпляров афиш не были взяты из типографии и до сего времени ле-

жат на складе. Лишь один экземпляр этих очковитательских «документов» был представлен начальству в качестве свидетельства о плодотворной работе попаснянского Дворца культуры, хотя из мероприятий, значившихся в афишах, была проведена только малая часть.

По этому поводу наш хоровой кружок придумал такую частушку:

Наш директор не мастак ли?
Трюков полон кабинет:
На афише есть спектакли,
Во Дворце — спектаклей нет.

Б. АКСЕЛЬРОД

УССР,
г. Красный Лиман.

УВАЖ. ТОВ. КРОК!

Не удивляйся и не обижайся на такое обращение с сокращённым уважением. Если тебе вздумается обратиться в Сочи, в Краснодарское туристско-экскурсионное управление, за путёвкой, то тебе ответят именно так, как ответили нам: «Уваж. тов., наши турбазы и управление реализацией путёвок не занимаются».

А кто же занимается? Дело в том, что мы, двое молодых инженеров, работающих в Свердловском дорпроекте, решили, по мудрой старой пословице, заготовить телегу зимой и с января начали хлопотать о туристских путёвках на август. Обратились одновременно в туристские управления в Свердловске и в Сочи. Но начальник Тамбасов, наш свердловчанин,

и зам. начальника Першин из Сочи в один голос направили нас в Москву. Из Москвы нам пришло два ответа: Московское туристско-экскурсионное управление рекомендовало обратиться... обратно в Свердловск, а из ЦК профсоюза железнодорожного транспорта сообщили: «В настоящее время удовлетворить вашу просьбу не можем». По радио же почти ежедневно передают завлекательные объявления: «Приобретайте туристские путёвки!».

Мы уже проделали четыре заочных экскурсии по туристским управлениям и уже преодолели четыре бюрократических перевала. И убедились: никто никакого уваж. нам не оказ.

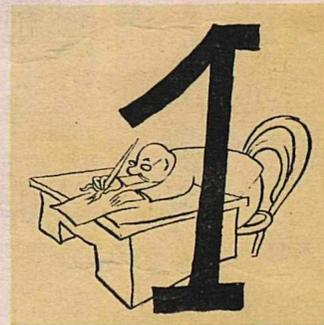
Но мы с этим вкорме не согласны. Не соглашайся и ты, дорогой Крокодил!

Инженеры Дорпроекта
Свердловской железной дороги
ЗЕНКОВА и СЕМОВСКИХ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Недавно я получила долгожданное письмо из Москвы. Заместитель начальника отделения немецкого языка курсов «Ин—яз» тов. Скворцов сообщил, что присланная мною как заочницей двенадцатая контрольная работа оценена «на четвёрку».

Это было бы, пожалуй, не так уж плохо, да вот незадача: тов. Скворцов напоминает, что мне надо срочно кончать второй курс, а как это сделать, я не знаю. Потому что и к занятиям на первом курсе ещё не приступала и, следовательно, никаких контрольных работ не посылала.

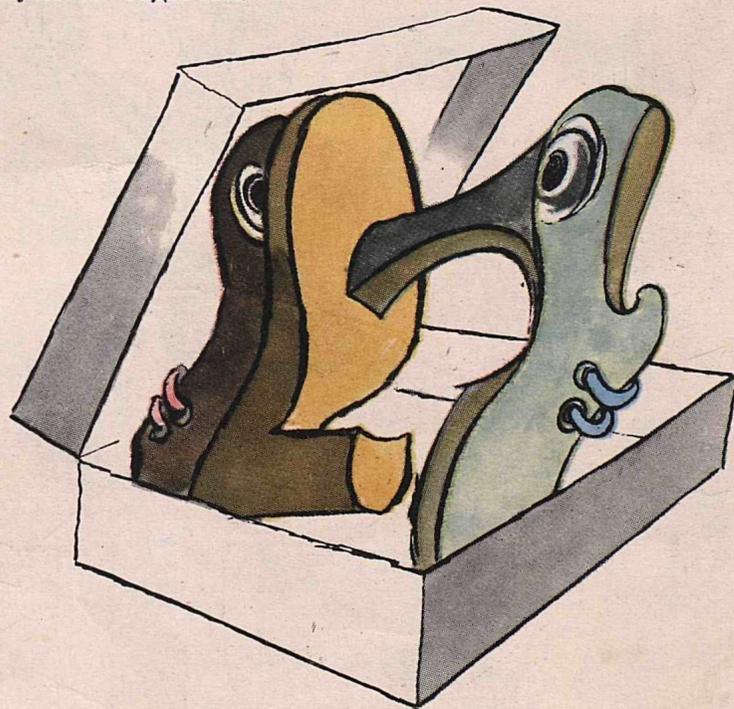
Если ты возьмёшь на себя труд сообщить об этом дирекции, заодно узнай, пожалуйста, удовлетворено ли всё-таки поданное мною четыре месяца назад заявление о приёме на первый курс и когда я получу первое задание. А уж какую оценку выставить работникам «Ин—яза» за переписку с заочниками, оставляю на твоё усмотрение.

Г. ШАУЛОВА

г. Грозный.

НЕРАВНЫЙ БРАК

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Нет, не жить нам под одной крышкой. Мы же совсем не пара.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 331. Подписано к печати 10/IV 1954 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 00776. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1163. Тираж 400 000 экз.

- 5224 м

24 АПР 1954

УОЛЛ-СТРИТОВСКИЙ ДОН-ЖУАН

Всесоюзная
Книжная палата
Объявл. экземпл.
1954 г.

